

Спасибо «товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.»

Заслуга ученого, который получает новые знания о природе, обществе и окружающем мире, не только в самих по себе результатах, которые двигают возможности человека, но также и в том, что он приумножает все то, что было сделано до него поколениями исследователей. Непрерывность получения нового знания, движение этого процесса дано ощутить не всем. Татьяне Ивановне Заславской это было дано, и ей удалось сделать очень многое: создать целое научное направление — экономическую социологию. За этим стоят не только прозрение, глубина анализа, способности, но и каждодневный труд и постоянная неудовлетворенность собой и результатами своих поисков.

Оснований для неудовлетворенности Татьяна Ивановна имела предостаточно — многолетние исследования по социально-экономическим проблемам села не давали повода для оптимизма. Но неутешительные результаты анализа положения дел не приводили к разочарованию, апатии или бездействию. Скорее, наоборот, побуждали вновь и вновь ехать в экспедиции, переоценивать гипотезы и исходные положения, расширять «территорию» поиска. В конечном счете такой территорией стало все наше общество, и от исследования проблем неравенства в распределении по труду в советском сельском хозяйстве Татьяна Ивановна и ее ученики (или Новосибирская экономико-социологическая школа) вышли на проблемы экономической стратификации (которая сначала в СССР, а теперь и в России отличается своей «хронической устойчивостью» к воспроизведению в самых гипертрофированных видах и формах).

От понимания проблем экономической стратификации оставался один шаг (но какой!) до понимания (точнее, до научной постановки) проблемы формирования и функционирования социальных механизмов. Вершиной на этом тернистом (не только в смысле научного поиска, но и гражданского мужества и подвижнического служения стране и людям) пути стала теория социальных механизмов трансформационных процессов.

Что и кто побуждал Татьяну Ивановну к ее поискам? Гены, среда, в которой она выросла, время, учителя? Думается все эти и еще многие другие факторы сыграли свою немаловажную роль (нельзя не упомянуть и атмосферу Академгородка 1960-х годов, которая зарядила на долгие годы не одного выдающегося ученого).

В середине 1980-х годов в Новосибирск к Татьяне Ивановне приехал один из ее учителей — «товарищ Венжер В.Г.». Приехал не только навестить свою ученицу, но и поддержать ее в те нелегкие годы, когда, с одной стороны,

продолжались ничем не обоснованные обструкции и осуждение ученых за «судьбы советской деревни», а с другой – нарастала потребность в акти-визации исследований по проблемам и села и социально-экономических процессов в обществе в целом.

Этот худощавый, подтянутый и не по годам энергичный человек (он тогда уже был на середине девятого десятка лет) нашел возможность поделиться с общественностью Академгородка мыслями о перестройке, судьбах села и нашего общества. Автору этих строк посчастливилось быть на этой встрече (увы, я ничего о нем не знал и пошел только потому, что старшие коллеги по институту сказали: «Это тот самый Венжер, которому написал письмо Сталин»).

Свою встречу с аудиторией Владимир Георгиевич Венжер начал с того, что, видимо, ему повезло: он с женой и коллегой А.В. Саниной написал в 1950–1951 гг. шесть писем на имя И.В. Сталина о положении дел в сельском хозяйстве, но его не постигла судьба ряда коллег, уволенных, ошельмованных и лишенных возможности работать в науке. На эти письма, как известно, Сталин ответил в одной из последних своих работ «Экономические проблемы построения социализма в СССР» – в части 4 содержался «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.».

Суть писем заключалась в необходимости наделения колхозов правами собственности (!) на основные активы – прежде всего, на технику и основные средства производства (о земле речь не шла). Нет нужды говорить о том, какое гражданское и научное мужество требовалось от авторов письма, чтобы в то время говорить о расширении прав и формировании реальной экономической основы для самостоятельности «чуждой» социализму (в официальном понимании) колхозной формы собственности. «Товарищ Венжер» был всю жизнь (несмотря на непростое время, в котором жил и работал) сторонником «кооперативного социализма» (в противовес и социализму, основанному исключительно на обезличенной «общенародной собственности», и, тем более, капитализму, основанному исключительно на частной собственности). Мне представляется, что «товарищ Венжер» был не только продолжателем идей русского народничества второй половины XIX века, но и сторонником многоукладности и гибкости форм и способов встраивания сельского хозяйства в современную экономику. Собственно, исследования НЭСШ периода 1990–2010 гг. со всей очевидностью подтверждают правомерность такого взгляда на жизнь.

Особенность подхода «товарища Венжера», которую унаследовали и развили и Татьяна Ивановна, и ее коллеги, состояла в постоянной связи с реальностью: экспедиционные работы, систематические обследования

села – та основа, которая позволяла получать практические выводы и выходить на обоснованные обобщения и оценки в рамках общества в целом.

Обо все об этом на страницах тематического раздела настоящего выпуска журнала обстоятельно и подробно написали коллеги и соратники Татьяны Ивановны.

Возвращаясь к памятной встрече с В.Г. Венжером, отмечу, что на ней говорилось о схожести атмосферы перемен начала 1950-х годов (которые так и не состоялись, по большому счету), о надеждах и ситуации в середине 1980-х, о том, что надо и можно сделать. У В.Г. Венжера был колоссальный практический опыт работы на селе в органах власти (в довоенный период) – в том числе в степной и лесостепной зонах Северного Казахстана – юга Западной Сибири. Развивая идею начала 50-х о передаче колхозам в собственность активов машинно-тракторных станций, на встрече он утверждал, что в каждой природно-климатической зоне должны быть и свои «природные активы» – не только семена и сельскохозяйственные культуры, но и породы скота и т.д. Свое выступление он закончил мыслью о срочной необходимости восстановить генотип так называемой «сибирской коровы», которая «пришла» в Сибирь и степи Зауралья сотни лет назад с первыми поселенцами и отличалась уникальной способностью адаптации к местным природным и климатическим условиям. Правда, молока она давала в разы меньше привезенных в период коллективизации и развития крупных совхозов из других районов страны (и из-за границы) пород, но низкая продуктивность «сибирской коровы» компенсировалась феноменальной жирностью молока, неприхотливостью к кормам, а также тем, что легко она переносит морозы (что позволяло Сибири зарабатывать накануне первой мировой войны больше золота на масле, чем от добычи золота).

Множественность форм ведения хозяйства на земле – та основа, которая обеспечивает устойчивость села и сельского хозяйства. А простота и однозначность – синонимы неэффективности и неустойчивости.

Уроки «товарищей Саниной А.В. и Венжера В.Г.», как нам кажется, занимают не последнее место в постоянном стремлении Татьяны Ивановны и ядра ее научной школы – НЭСШ – глубже познать окружающую нас реальную социально-экономическую действительность.